

ни брался, он всегда имел в виду конечную цель — свою диссертацию. В тех случаях, когда тема занятий вводила его в сторону, Никитин, хотя и с сожалением, отказывался от этих занятий. Слушая у Курциуса «Начала сравнительного языкознания», он не смог себе позволить заниматься санскритом, потому что, по его словам, он «боялся слишком далеко уклониться от своей ближайшей цели»⁷¹.

Во время учебы в Императорском историко-филологическом институте и Лейпцигском университете Никитин прошел строгую немецкую выучку, в полной мере испытал на себе обаяние немецкой филологической школы и стал ее поклонником и последователем.

Служба в Историко-филологическом институте князя Безбородко в Нежине

По возвращении в Петербург летом 1875 г. Никитина ожидало новое назначение на Украину, в только что открытый Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 23 августа Никитин прочел в ПИФИ пробную лекцию на тему «О значении диалектологии для решения грамматических вопросов» в присутствии профессоров института и профессора Петербургского университета К. Я. Люгебиля. Лекция была признана «весьма удовлетворительной как по содержанию, так и по изложению»⁷².

20 ноября 1874 г. Александр II утвердил мнение Государственного совета о преобразовании в 1875 г. лицея князя Безбородко в Нежине в Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине (НИФИ)⁷³. Колорит Нежина 1870-х гг. хорошо описал в своих воспоминаниях выпускник института 1882 г. А. В. Круковский: «Нежин раскинулся посреди обширной равнины и в 1870-е гг. представлял собой довольно большой, но все же захолустный уездный город. Среди полупатриархальной обстановки большого уездного города оригинальное явление представляло высшее учебное заведение, как бы случайно приютившееся в нем... Такому городу было бы подстать учительская семинария, самое большее учительский институт, но по какому-то капризу судьба сделала его рассадником учитель-лей гимназии для всей России.

В стороне от центра города, на правом берегу тинистого, неширокого

⁷¹ Там же. Д. 550. Л. 18.

⁷² ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 453. Л. 45.

⁷³ В 1919–1920 г. институт был преобразован в научно-педагогический, в 1921 г. — в институт народного образования, в 1933–1934 г. — педагогический институт, в 1939 г. ему присвоено имя Н. В. Гоголя.

Остра, через который был перекинут старый деревянный мост, ближе к предместью, было расположено обнесенное белой каменной оградой и обсажено высокими пирамидальными тополями здание историко-филологического института. Старое дворянское гнездо Безбородков превратилось в подобие маленькой учебной колонии, среди которой, ближе к Остру, красиво возвышался главный трехэтажный корпус с величественной колоннадой и широкой, в несколько окон, открытой галереей — балконом третьего этажа, расположенный на открытой местности институт оживлял уединенную и бедную часть города. За главным зданием тянулся сплошной стеной густой разросшийся сад, разделенный на две части...

Институт с его главным зданием, двухэтажными каменными флигелями, производил впечатление усадьбы старого магната. Этот отпечаток старой широкой барской жизни лежал и на самой архитектуре зданий. Главное здание института производило импонирующее впечатление среди окружающих домиков, расположенных в полузаброшенной местности; достаточно сказать, что большая площадь перед институтом не была замощена и осенью представляла вид, который обессмертил Гоголь в своем описании *Миргорода*⁷⁴.

Историко-филологический институт пришел на смену целому ряду высших учебных заведений, которые содержались на пожертвования и находились в усадьбе знаменитого екатерининского вельможи князя Александра Андреевича Безбородко и его брата графа Ильи Андреевича.

В 1820 г. согласно их воле в Нежине была основана Гимназия высших наук имени кн. Безбородко, которую прославил ее нерадивый ученик Н. В. Гоголь⁷⁵. Обучение в Нежинской гимназии имело энциклопедический характер, здесь преподавали всего понемногу, но древние языки не были в чести⁷⁶. В 1832 г. ей на смену пришел физико-математический лицей, преобразованный через восемь лет в юридический лицей князя

⁷⁴ *Круковский А. В.* Старое педагогическое гнездо (Из воспоминаний о Нежинском историко-филологическом институте) // Филологические записки. 1911. Вып. VI. С. 808–810.

⁷⁵ Гоголь поступил в гимназию в 1821 г. и был «непослушен, дерзок, груб, неопрятен», относился к делу небрежно и лениво. «Надобно признаться, — говорит его наставник по латинскому языку И. Г. Кулжинский, что не только у меня, но и у товарищей моих он, право, ничему не научился». Сам Гоголь весьма неодобрительно отзывался о гимназии, в которой, по его словам, он «утерял целые шесть лет даром»: *Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине за 1879 г. Киев, 1879. Т. 3. С. 152–154.

⁷⁶ «На опыте знаю, — писал лучший директор гимназии И. С. Орлай, — что латинский язык, как мертвый, без хорошего наставника сам по себе не привлекателен и не употребителен в общезнании, даже пренебрегаем в России, и потому совершенно бездоходен». Там же. С. 144.

Безбородко. Со временем лицей пришел в упадок и превратился в полу-аристократическое заведение, которое щедро раздавало юридические дипломы даже многим недочувшимся питомцам. Во второй половине 60-х гг. стало ясно, что дальнейшее существование лицея в прежнем виде было невозможно, и начались его преобразования⁷⁷.

Реформу Нежинского лицея твердой рукой провел Толстой, преобразовав его во второй историко-филологический институт⁷⁸. Министр воспользовался по существу уже готовым учебным заведением: в его распоряжении был добротный трехэтажный дом⁷⁹ с роскошным парком и ежегодные проценты с капитала Безбородко, которые освобождали казну от трат на содержание института. Создание института в Нежине завершило целый ряд мер, предпринятых Толстым для подготовки преподавателей-классиков, потребность в которых вследствие быстрого «размножения» классических гимназий была весьма обширной. «Зажегся новый светильник для будущего поколения России», — так начальство оценило значение открытия института, которое состоялось 14 сентября 1875 г.⁸⁰

Нежинский институт стал младшим братом Императорского Историко-филологического института в Петербурге, в основу его устава и штата были положены соответствующие документы петербургского института, но с некоторыми изменениями и дополнениями⁸¹. Институт в Нежине состоял

⁷⁷ В 1865 г. Министерство народного просвещения приступило к преобразованию лицея по проекту, предложенному гр. Кушелевым-Безбородко. Этот проект вел к фактической ликвидации лицея и передаче средств от пожертвования университету св. Владимира в Киеве для учреждения 42 стипендий кн. Безбородко, по 250 руб. каждая, главным образом для уроженцев Черниговской и Полтавской губерний. Вступивший в 1866 г. в должность министра народного просвещения Толстой усмотрел в этом плане нарушение воли братьев Безбородко, которые сделали пожертвование на учреждение в Нежине учебного заведения «высших наук». Толстой дважды, в 1869 и 1873 гг., посещал лицей и нашел его совершенно запущенным: О преобразовании лицея кн. Безбородко в Нежине. В Государственный совет 7 мая 1874 г. С. 6.

⁷⁸ Студентам лицея, достигнутым преобразованием, была дана возможность беспрепятственно окончить свой курс. В 1875/76 учебном году одновременно существовал первый курс института и последний лицея.

⁷⁹ Над входом был помещен девиз с герба Безбородко: «Labore et zelo» (ревностным трудом).

⁸⁰ Отчет об открытии Историко-филологического института князя Безбородко и о состоянии лицея и гимназии за 1874/5 г. // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине за 1877 г. Киев, 1877. С. 5.

⁸¹ Например, глава I устава гласила: «В память сделанного покойным канцлером князем Безбородко, братом его, д. т. с. графом Безбородко и внуком, д. т. с., камергером графом Кушелевым-Безбородко, значительного пожертвования на учреждение и содержание в Нежине училища высших наук, учреждается в сем городе Историко-филологический институт князя Безбородко»: Устав Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине // Там же. С. 21.

в ведомстве Министерства народного просвещения и подчинялся непосредственно попечителю Киевского учебного округа; в нем сохранялась должность почетного попечителя из рода Мусиных-Пушкиных⁸².

К преобразованию Нежинского лицея в Историко-филологический институт Толстой призвал профессора русской словесности Харьковского университета *Николая Алексеевича Лавровского* (1825–1899)⁸³. По отзыву К. Я. Грота, Лавровский «обладал от природы редким педагогическим даром и тактом, которые, при его уме и опытности, непоколебимом чувстве долга, твердом характере и вместе благодущии, делали из него несравненного педагога и руководителя юношества»⁸⁴. В студенческие годы, проведенные в Главном педагогическом институте, Лавровский основательно познакомился с греческим языком и культурой у Ф. Б. Грефе и был оставлен в 1851 г. в институте адъюнктом кафедры греческой и латинской словесности. Спустя много лет он любил вспоминать, как ему приходилось объяснять по-латыни Гомера и греческих трагиков. Однако сильнее влияния классиков оказалось влияние слависта И. И. Срезневского, руководившего студенческими работами его брата Петра Алексеевича, и в 1852 г. он перебрался в Харьковский университет, сначала адъюнктом, а затем профессором по кафедре русской словесности⁸⁵. Лавровский одним из первых обратился к разработке проблемы византийского влияния на древнюю русскую историю и культуру; ряд его работ посвящен русским писателям, ученым и государственным деятелям XVIII–XIX вв. (М. В. Ломоносову,

⁸² Звание почетного попечителя переходило к старшему в роде, но гр. А. Г. Кушелев-Безбородко умер в 1870 г. бездетным. После отказа его старшей сестры В. А. Кочубей от прав наследства младшая сестра Л. А. Мусина-Пушкина была утверждена наследницей своего брата, и в звании почетного председателя был назначен ее муж гр. Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1824–1879), с переходом этого звания на старшего в роде графов Мусиных-Пушкиных. После его смерти почетным председателем стал его сын гр. *Александр Алексеевич Мусин-Пушкин* (1855–1918), выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, в 1890–1900 гг. он был помощником попечителя Киевского учебного округа, в 1900 г. назначен членом Совета министра народного просвещения, в 1907–1913 гг. — попечитель Санкт-Петербургского учебного округа. По долгу службы обратился к изучению системы образования в Германии и Франции и написал на эту тему ряд статей.

⁸³ Литературу о нем см.: *Медведев И. П.* Лавровский Николай Алексеевич // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 212–213; *Самойленко Г. В.* Николай Алексеевич Лавровский: Библиографический указатель: Сер. «Ученые-филологи Нежинской высшей школы». Нежин, 1993.

⁸⁴ *Грот К. Я.* Н. А. Лавровский (некролог) // ЖМНП. 1900. Ч. 327. № 1. Совр. летопись. С. 13.

⁸⁵ Брат Н. А., исследователь истории, языка и культуры славян П. А. Лавровский, по рекомендации И. И. Срезневского занимал с 1851 г. кафедру славянских наречий в Харьковском университете.

Н. М. Карамзину, И. А. Крылову, Н. В. Гоголю и Екатерине II) и истории просвещения в России⁸⁶. На посту директора института Лавровский оставался семь лет и за это время прочно организовал институт, сумел привлечь в него хорошие педагогические силы⁸⁷.

Лавровский уговорил перебраться в заолуэный Нежин своего единомышленника и коллегу по Харьковскому университету, ординарного профессора *Николая Яковлевича Ариетова* (1832–1882), который стал инспектором и профессором русской истории⁸⁸. Большой знаток русской истории и быта⁸⁹, Ариетов обладал «особенным чутьем, особенной сметкой ко всему тому, что пахнет Русью»⁹⁰. Для Лавровского было особенно важно, что они с Ариетовым имели близкие педагогические взгляды⁹¹. Став инспектором института, Ариетов одновременно занял и кафедру русской истории.

Профессором всеобщей истории стал экстраординарный профессор Варшавского университета П. И. Люперольский, который специально занимался историей и древностями Греции⁹². Кафедру русской словесно-

⁸⁶ *Лавровский Н. А.* 1) О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853; 2) О древнерусских училищах. Харьков, 1854; 3) О Ломоносове по новым материалам. Харьков, 1865; 4) Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине: 1820–1832 // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Киев, 1879. Т. III. С. 102–259.

⁸⁷ При открытии института право избрать инспектора, профессоров, преподавателей и наставников было предоставлено министру народного просвещения, впоследствии же избрание всех этих лиц проводилось конференцией института. Толстой предоставил Лавровскому право самому произвести набор первых преподавателей.

⁸⁸ См. о нем: *Цамутали А. Н.* Николай Яковлевич Ариетов // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 87–107; Николай Яковлевич Ариетов. Некролог // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Киев, 1882. Т. VII. Неофициальный отдел. С. 1–6.

⁸⁹ *Ариетов Н. Я.* 1) Промышленность Древней Руси. Казань, 1866; 2) Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1873; 3) Об историческом значении русских разбойничьих песен. Харьков, 1875.

⁹⁰ Николай Яковлевич Ариетов. Некролог. С. 1.

⁹¹ Представляя его попечителю Киевского учебного округа П. А. Антоновичу, Лавровский указал на то, что «в интересах учреждения, для сообщения ему единства действий нельзя не желать возможно большего согласия в убеждениях и педагогическом направлении обоих главных действующих лиц; нельзя не желать также, чтобы инспектор обладал и ученым авторитетом, сильно действующим на молодых людей того возраста, какой требуется от воспитанников института. Эти условия... в значительной степени соединяет в себе г. Ариетов»: Отдел государственного архива Черниговской области в г. Нежине. Ф. 1105. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 об. Об утверждении в должностях законоучителя и ординарных профессоров. 1875 г.

⁹² *Люперольский Петр Иванович* (1836–1903), сын сельского священника Вятской губернии. По окончании в 1859 г. Петербургской духовной академии назначен преподавателем греческого языка и истории в Петербургской духовной семинарии; в 1865 г. зачислен стипендиатом Министерства народного просвещения для приготовления к профессорскому

сти и главнейших славянских наречий занял ученик И. И. Срезневского и В. И. Ламанского, магистр славянских наречий и убежденный панславист А. С. Будилович, только что вернувшийся из заграничной командировки по славянским областям Европы.

По некоторым специальностям Лавровский не мог найти известных профессоров, в этих случаях он без колебания предоставлял кафедры молодым ученым, не имеющим на них формальных прав, но энергичным и способным. Такая решительность директора институту шла только на пользу: и кафедры не пустовали, и прибавилось бодрости и энтузиазма. Лавровский имел тонкое чутье на талантливых людей: многие из тех, кого он привлек в институт, приобрели впоследствии почетную известность. По рекомендации проф. Владиславева кафедру философии занял зять Лавровского и сын академика Я. К. Грота, выпускник Петербургского университета двадцатичетырехлетний Н. Я. Грот. Грот преподавал психологию, логику и историю философии; он как бы рожден был профессором и блестящими импровизациями зажигал в своих слушателях интерес к философским вопросам.

Греческую словесность со дня открытия института и до конца ноября 1879 г. преподавал Никитин, сначала в звании исполняющего должность экстраординарного профессора, а затем ординарного профессора (с 24 мая 1877 г.)⁹³. В Нежине он стал коллегой своего учителя Р. А. Фохта, который перешел из Петербурга в Нежин ординарным профессором римской словесности. Наставниками студентов были назначены инспектор 1-й Харьковской гимназии чех А. В. Добиаш⁹⁴ и товарищ Никитина по ПИФИ и заграничной командировке Н. С. Кириллов, на следующий год к ним при-

званию в Петербургский университет, где занимался под руководством М. С. Куторги. В 1869 г. он защитил магистерскую диссертацию «Храмовый город Дельфы, с оракулом Аполлона Пифийского в древней Греции» и был командирован на два года за границу, из которых один год он провел в Берлинском университете, а второй путешествовал по Италии и изучал эпиграфические памятники и топографию античного Рима. По возвращении в Россию он был приглашен в 1872 г. в Варшавский университет экстраординарным профессором всеобщей истории; в 1875–1897 гг. — ординарный профессор всеобщей истории в Нежинском институте. См. о нем: *Бережков М. Н.* В память профессора Петра Ивановича Люперского // *Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине.* Киев, 1904. Т. XXI. С. 1–15.

⁹³ Отдел государственного архива Черниговской области в г. Нежине. Ф. 1105. Оп. 1. Д. 9. Личное дело Никитина.

⁹⁴ *Добиаш Антон Вячеславович* (1847–1911), уроженец Чехии, окончил Пражский университет; в 1870–1871 гг. в Учительском институте славянских стипендиатов готовился к экзамену на звание учителя древних языков в русских гимназиях. Выдержав экзамен, был назначен учителем греческого языка в 1-ю Харьковскую гимназию, с 1874 г. был ее инспектором. С 1875 г. наставник студентов в Нежинском институте, с 1876 г. одновременно преподавал греческий язык, с 1878 г. исполнял должность экстраординарного профессора

соединился выпускник ПИФИ А. М. Фогель. С открытием в 1877 г. третьего курса профессорский состав института пополнился свежими силами. В Нежине начал свою деятельность Г. Э. Зенгер⁹⁵, как исполняющий должность экстраординарного профессора всеобщей истории. В том же звании пришел на кафедру русской словесности сын академика, зоолога Ф. Ф. Брандта, выпускник Петербургского университета Р. Ф. Брандт. Наконец, в 1879 г. в институт был приглашен сокурсник Никитина С. Н. Жданов⁹⁶, вся дальнейшая жизнь которого была связана с Нежинским институтом. Никитин на защите докторской диссертации Жданова в 1890 г. («Грамматические наблюдения и критико-эзегетические заметки») выступил его оппонентом и дал о работе положительный отзыв, назвав ее «полезной по собранному в ней материалу, а отчасти и по результатам его обработки»⁹⁷.

по кафедре греческой словесности, с 1884 г. ординарный профессор, в 1882–1899 гг. инспектор института. В 1883 г. защитил магистерскую диссертацию «Синтаксис Аполлония Дискола», в 1898 г. — докторскую диссертацию «Опыт симасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка» (Прага, 1897). В 1908 г. вышел в отставку, умер в Петербурге. См. о нем: Историко-филологический институт князя Безбородко. 1875–1900. Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1900. С. 24–25; *Темп В. Антон Вячеславович Добняш (воспоминания) // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Киев, 1916. Т. XXXI. С. 15–19.*

⁹⁵ *Зенгер Григорий Эдуардович* (1853–1919) в 1870–74 гг. учился в Петербургском университете у И. В. Помяловского и Ф. Ф. Соколова. По окончании университета в течение года был преподавателем древних языков в 5-й С.-Петербургской гимназии, затем командирован за границу для приготовления к профессорскому званию и два года провел в Берлине, где занимался у Т. Моммзена всеобщей историей. С 1877 г. читал в Нежинском институте курсы по римской истории, римским древностям, средневековой и новой истории, а выдержав магистерский экзамен в университете св. Владимира, в 1885 г. перешел на службу в Варшавский университет. В 1886 г. защитил диссертацию «Критический комментарий к некоторым спорным текстам Горация» на степень магистра римской словесности; в 1894 г. удостоен Московским университетом степени доктора римской словесности без представления диссертации. С 1897 г. ректор Варшавского университета, с 1900 г. попечитель Варшавского учебного округа; с 6 апреля 1903 г. по 23 января 1904 г. министр народного просвещения; в 1908 г. избран членом-корреспондентом Имп. Академии наук.

⁹⁶ *Жданов Сергей Николаевич* (1850–1903) окончил архангельскую гимназию и Имп. Историко-филологический институт (1871 г.), с 1871 г. учитель древних языков Киевской прогимназии; в 1875 г. командирован за границу для дальнейшего изучения классической филологии; в 1878 г. был временным преподавателем в Петербургском институте и его гимназии; с 1879 г. преподаватель, с 1880 г. экстраординарный, в 1881–1901 гг. ординарный профессор по кафедре греческой словесности в Нежинском институте. В 1879 г. защитил диссертацию «К изучению греческого ударения» на степень магистра греческой словесности, в 1890 г. — докторскую диссертацию «Грамматические наблюдения и критико-эзегетические заметки».

⁹⁷ *Никитин П. В.* Отзыв о диссертации профессора С. Н. Жданова «Грамматические наблюдения и критико-эзегетические заметки // Протоколы заседаний Совета С.-Петербургского университета за весеннее полугодие 1890 года. СПб., 1890. № 42. С. 47. Приложение к ст. 38 журнала заседаний Совета 5.02.1890.

Лавровский обладал особенным умением спланировать людей, поэтому в институте не было ни борьбы партий, ни взаимной недоброжелательности, того, что отравляет жизнь и парализует дело. Никитин обычно плохо сближался с людьми, но в институте он встретил дружеское расположение коллег и близко сошелся со своими ровесниками Будиловичем и Зенгером, с которыми, судя по переписке, сохранял теплые отношения в течение всей жизни⁹⁸.

Собрание всех профессоров института составляло его конференцию, которая избирала новых профессоров и ведала учебным процессом. 1 сентября 1875 г. Никитин стал ученым секретарем конференции, составлял годовые отчеты о деятельности института и вел всю документацию до 1878 г., когда его сменил Н. Я. Грот⁹⁹. В начале 1876 г. конференция приняла решение издавать ежегодные «Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине»¹⁰⁰. Содержание сборника составляли отчеты, речи, статьи преподавателей и лучшие сочинения студентов.

Институт, находившийся вдали от научных центров, гораздо больше, чем родственный ему институт в Петербурге, нуждался в хорошей библиотеке¹⁰¹, и Лавровский еще до открытия института позаботился о приобретении библиотеки покойного директора Петербургского института Штейнмана, которая включала в себя значительное собрание классических авторов и сочинений по древним языкам, литературе, древности и мифологии. Важным подспорьем для института стало и собрание книг московского профессора С. П. Шевырева по русской словесности и всемирной литературе¹⁰².

⁹⁸ В 1903 г., находясь в Баден-Бадене, Никитин узнал о новом циркуляре, изданном министром Зенгером, и написал В. Р. Розену: «Слыша бойкие, бодрые голоса учеников и учени, видя их беззаботные, добродушно-веселые лица, я еще с большей грустью, чем когда-нибудь, думаю о бедном моем Григории Эдуардовиче. Как нарочно, именно здесь я прочитал в газете известие о новом его циркуляре. Он вынужден притворяться, будто верит в возможность силой циркуляров творить чудеса, превращать разнузданность и недовольство в религиозно-нравственную тишь и благодать!»: ПФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 312. Л. 28 об. Письмо Никитина В. Р. Розену от 2.07.1903.

⁹⁹ Отдел государственного архива Черниговской области в г. Нежине. Ф. 1105. Оп. 1. Д. 57. Л. 3.

¹⁰⁰ Там же. Л. 99 об. 18.02.1876.

¹⁰¹ В институт по наследству перешла пестрая по своему составу лицейская библиотека, а кроме того, пожертвованные гр. Кушелевым-Безбородко минц-кабинет (3546 монет и медалей) и картинная галерея (174 картины).

¹⁰² Библиотека поступила в 1876 г. и составляла 3815 названий в 7359 томах. В распоряжение института поступили также дубликаты университетской библиотеки Варшавы по богословию, литературе и истории. Небольшой по размеру, но ценный вклад в виде старинных изданий XVI и XVII вв. по богословию, классической филологии, истории и литературе был сделан Нежинским греческим училищем.

В 1877 г. библиотека института получила капитальное приращение: в нее поступила библиотека лейпцигского профессора Ричля, по сравнению с которой филологические отделы библиотек многих отечественных университетов представлялись ничтожными. Министерство народного просвещения приобрело ее у вдовы Ричля и передало Нежинскому институту (3100 названий в 4930 томах)¹⁰³. Таким образом институт получил в свое распоряжение важнейшие издания по классической филологии и главные филологические журналы того времени.

В 1875 г. в институт из 42 желающих были приняты 25 человек, в том числе 22 воспитанника духовных семинарий, кроме того, в Нежин по состоянию здоровья перевелись 3 первокурсника Петербургского института¹⁰⁴. Этим студентов Никитин обучал с первого до последнего курса греческой словесности. На первых двух курсах все студенты интенсивно изучали древние языки, античную литературу и историю¹⁰⁵. Поначалу многие из них обнаруживали колоссальное невежество в греческом языке,

¹⁰³ Библиотеку Ричля принял в Лейпциге А. В. Добиаш, он же составил ее инвентарный каталог: «Документальный каталог библиотеки института, полученный от Ричля в 1877 г.», который хранится в Фундаментальной библиотеке Нежинского государственного педагогического университета им. Н. В. Гоголя; он насчитывает 362 листа и содержит 3100 наименований (№ 3742–6842). Вместе с библиотекой в институт попали и некоторые рукописные материалы Ричля, например, записи лекций Г. Германна и К. Рейзига и сборники выписок из разных изданий. Коллекция рукописей Ричля была описана в 1900 г. преподавателем института Б. Ф. Бурзи: Описание рукописей библиотеки Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине / Составлено под ред. М. Сперанского // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Киев, 1900. Т. XVIII. С. 123–125.

¹⁰⁴ В следующем году из 14 желающих в институт поступили 9 человек, из них 6 воспитанников духовных семинарий. На третий год желающих было еще меньше. Наконец в 1879 г. первые 9 стипендиатов нежинской гимназии значительно пополнили контингент студентов института, и число первокурсников составило рекордную цифру — 30 человек. Таким образом, когда институт к 1 сентября 1879 г. был полностью укомплектован, в нем обучался 71 человек вместо 100, положенных по штату: Отчет о состоянии и деятельности Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине за 1878/9 учебный год, читанный на акте 30 августа 1879 г. ученым секретарем конференции Н. Я. Гротом // Там же. 1880. Т. V. С. 7–8.

¹⁰⁵ Первоначально учебным планом на младших курсах было предусмотрено изучение следующих дисциплин: закон божий (1 лекция), греческая словесность (7 лекций), римская словесность (8 лекций), русская словесность (6 лекций, из них 4 для славянской филологии и 2 для истории русской литературы), всеобщая история (4 лекции), русская история (4 лекции); обязательным было изучение одного из новых языков, французского или немецкого (3 лекции). Продолжительность лекции — один час. Студенты, несмотря на все свои старания, не успевали выполнять домашние задания, и уже через месяц после начала занятий, 14.10.1875 г., конференция сократила учебные часы по славянской филологии, русской истории и греческому языку на 1 лекцию и по латинскому языку — на 2 лекции: Отдел государственного архива Черниговской области в г. Нежине. Ф. 1105. Оп. 1. Д. 57. Л. 24.

так что приходилось разъяснять им элементарные правила грамматики и постоянно повторять прочитанное. Отличавшийся строгостью латинист Фохт занимался со студентами дополнительно в вечерние часы¹⁰⁶. Важной частью занятий студентов были постоянные упражнения в устном и письменном переводе с русского языка на греческий и латинский, с латинского на греческий и наоборот.

На третьем курсе происходила специализация: студенты могли выбрать классическое или славяно-русское отделение, но эта специализация не была узкой: для студентов классического отделения было обязательным изучение русской литературы, а для студентов славяно-русского — чтение древних авторов. Студенты-классики помимо чтения авторов и переводов занимались греческими древностями и метрикой. Метрику преподавал Добиаш, все остальные занятия вел Никитин. Студенты четвертого курса слушали у Никитина историю греческой литературы и греческие богослужebные древности. Профессор римской словесности Фохт читал историю римской литературы и римских древностей на латинском языке, на этом же языке велась беседа в аудитории во время практических занятий и во время экзаменов.

Круковский сравнивал манеру преподавания Фохта и Никитина в пользу последнего: «Никитин, бывший ординарным профессором института, представлял вполне определенный, сложившийся тип ученого. Читал он на младших курсах общий очерк греческой грамматики, руководил так называемыми домашними чтениями греческих авторов, но главные занятия его были со студентами-классиками. Не весело было такому ученому профессору посвящать в тайны эллинизма только что сошедших со школьной скамьи юношей, тяжело было вести с ними практические занятия во время домашних чтений. Со многими курьезами, вплоть до проявления невежества, приходилось встречаться профессору, но большая терпимость, не исключавшая, впрочем, некоторой безобидной иронии, сочувствие к молодежи и сознание, что он подготавливает будущих педагогов, до известной степени мирили его с этими несовершенствами, которые приводили в негодование другого знатока классических языков — латиниста Фохта. Этот багровел при каждом промахе студента, даже вполне понятном и извинительном, сердито кряхтел и слегка раздраженным, обиженным тоном поправлял ошибку. В его глазах ошибка в латинском обороте была равносильна преступлению. Никитин был тоже требователен, но эта тре-

¹⁰⁶ Извлечения из протоколов конференции института князя Безбородко за 1875/6 год // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Киев, 1877. Т. I. С. 66–69, 80.

бовательность имела разумное основание и была чужда педантизма. В его, по-видимому, мелочных интерпретациях авторов заключалось не мало полезного для будущих учителей. В них сказывалось хорошее влияние немецкой школы. Особенно ценили Никитина студенты-классики; они дорожили его сжатыми и содержательными лекциями, которые облегчали им усвоение многих отделов классической филологии. Лектор он был очень хороший: при всей своей серьезности Никитин любил оживлять лекции остротами в английском духе, сохраняя при этом полную невозмутимость»¹⁰⁷.

Преподавание древних языков имело в Нежинском институте одну особенность: на двух младших курсах из шести учебных дней в неделю один, четверг, был освобожден от лекций и целиком посвящен домашнему чтению древних авторов. День домашнего чтения студенты окрестили *Studiertag*, а следом за ними так его стали называть и профессора. Текст для перевода назначался рано утром, а вечером того же дня с семи часов проходил опрос. Главной целью этих занятий было формирование у студентов навыка в беглом разборе значительных по объему древних текстов. В обязанности дежурного наставника в эти дни входило удерживать студентов от попыток составлять кружки и сообща заниматься переводом. К моменту опроса студенты уставали и Никитин замечал у них «недостаток желательной свежести и интенсивности внимания»¹⁰⁸. На старших курсах тоже старались выгадать в общем расписании лекций *Studiertag*'и, но уже не только для домашнего чтения, хотя и там проверка проходила еженедельно.

На последнем, четвертом, курсе проходили практические занятия в гимназии, специально преобразованной для целей института и размещавшейся в том же здании¹⁰⁹. В начале учебного года в течение нескольких недель студенты посещали уроки наставников, участвовали в подготовке этих уроков, а потом сами в присутствии директора, наставника и товарищей давали не меньше 6 уроков в разных классах. В 1879 г. студенты впервые проходили педагогическую практику и допустили в преподавании множество огрехов. Выступая в роли педагогов, они не обращали внимания

¹⁰⁷ Круковский А. В. Старое педагогическое гнездо. С. 821–822.

¹⁰⁸ Отчет о состоянии и деятельности Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине за 1876/7 учебный год, читанный на акте 30 августа 1877 г. ученым секретарем конференции Никитиным // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Киев, 1878. Т. II. С. 16.

¹⁰⁹ Чтобы поощрить воспитанников гимназии к поступлению в институт, министр народного просвещения Толстой учредил в четырех старших классах гимназии 120 стипендий (по 200 руб. в год), обязав стипендиатов поступать в институт.

на логическое построение своих собственных переводов и не заботились об их изяществе. Инспектор института Аристов возложил ответственность за недостатки в преподавании студентов на профессоров и представил в неблагоприятном свете весь ход преподавания классических языков в институте. Выходило едва ли не так, что и преподавание институтских профессоров (Никитина и Фохта в первую очередь) страдало теми же пороками, что и преподавание студентов. Никитин был сильно задет несправедливыми упреками и в специальном рапорте вступился за себя и своего бывшего учителя. «К моему несчастью, — писал он о себе лично, — обстоятельства так сложились, что в настоящее время я ничего не могу сказать в свою защиту кроме того только, что все вообще обвинение недостаточно обставлено доказательствами и что, в частности, обвинение в том, будто бы я не обращаю внимания на объяснение развития мыслей в тех произведениях, которые берусь толковать, само по себе не вполне вероятно. Хотя мои малочисленные научные работы и не посвящены такому специальному и обстоятельному разбору логического строя произведений классической литературы, как некоторые из исследований Ричарда Августовича, но все-таки, мне кажется, и в моих статьях можно найти некоторые основания для предположения, что я читаю произведения греческой литературы не ради процесса чтения»¹¹⁰.

В этом рапорте Никитин высказал и свое мнение о задачах высшего классического образования: «...во избежание напрасных недоразумений и разочарований, считаю своим долгом наперед заявить, что если Николай Яковлевич... под формализмом понимает преобладание в филологии формальных дисциплин, а под научностью — перевес реальных, то я никогда не буду свободен от такого формализма и никогда не буду стремиться к такой научности. Я убежден — и надеюсь, таково же убеждение всех преподавателей классической филологии — что изучению языка должно быть предоставлено первое и главное место среди других предметов преподавания в историко-филологическом Институте не только ради той специальной цели, для которой Институт существует, но и по чисто теоретическим соображениям, так как во-первых — из всех историко-филологических наук, в настоящее время, научным методом всего более обладает грамматика, а во-вторых — без основательного знания языка невозможно никакое научное изучение классической древности»¹¹¹.

¹¹⁰ Отдел государственного архива Черниговской области в г. Нежине. Ф. 1105. Оп. 1. Д. 137. *Никитин П. В.* По отдельному мнению инспектора института орд. проф. Н. Я. Аристова о преподавании в институте древних языков. 1879 г. Л. 14.

¹¹¹ Там же. Л. 16.

Аристов потребовал, чтобы чтение лекций по истории римской литературы и римских древностей велось не на латинском языке, как это делал Фохт, а по-русски, и предлагал перепоручить эти лекции другому преподавателю. Никитин возражал и против этого требования: он энергично отстаивал право профессора римской словесности читать лекции на латыни. Выступление Аристова было первым выражением тех принципиальных разногласий профессоров-классиков и профессоров-славистов, которые в конце концов привели к ослаблению преподавания в Нежинском институте классических дисциплин.

В начале лета 1879 г. состоялся первый выпуск института. Незадолго до выдачи студентам аттестатов в институт приехал попечитель Киевского учебного округа Антонович и обратился к директору со словами: «Так Вы уж их теперь отдайте в мое распоряжение; я их всех пристрою»¹¹². Попечитель сдержал свое слово: из 15 студентов, окончивших тогда курс, только 1 был определен в Московский, все же остальные — в Киевский учебный округ.

Проводив своих первых выпускников, Никитин и сам покинул институт. Для Никитина годы уединенной профессорской деятельности были весьма плодотворны: здесь он составил свои первые лекционные курсы по греческой словесности, завершил магистерскую диссертацию «Об основах для критики текста эолических стихотворений Феокрита» и 19 мая 1876 г. защитил ее в Петербургском университете на степень магистра греческой словесности. Официальными оппонентами выступили ординарный профессор К. Я. Люгемиль и доцент Ф. Ф. Соколов. Согласно заключению Совета, «защитение диссертации признано удовлетворительным и определено удостоить Никитина степени магистра»¹¹³. В 1879 г. Никитин получил приглашение в Петербургский университет и поменял профессорскую кафедру в Нежине на доцентуру в столичном университете.

В 1880-е гг. в Нежинском институте произошла смена профессоров. Вслед за Никитиным в 1881 г. ушел Будилович, заняв кафедру русского и церковнославянского языков в Варшавском университете, а в 1892 г. он стал ректором Юрьевского (Дерптского) университета, в 1882 г. был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук, в 1901 г. стал членом Совета министра народного просвещения.

В 1882 г. Лавровский по состоянию здоровья подал прошение об уволь-

¹¹² *Добиши А. В.* Николай Алексеевич Лавровский, первый директор Института князя Безбородко // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. Киев, 1900. Т. XVIII. С. 38.

¹¹³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7631. Л. 4, 6.

нении от должности директора: «Я семь с лишком лет продежурил здесь, будет с меня», — объяснял он свое решение»¹¹⁴. Однако уже через год он распрощался со спокойной жизнью, так как был назначен ректором Варшавского университета и занимал эту должность семь лет до своего назначения в 1890 г. попечителем Рижского учебного округа. В том же 1890 г. он был избран ординарным академиком.

В 1883 г. Грот был избран ординарным профессором на кафедру философии Новороссийского университета, а через три года перешел в Московский университет, стал председателем Московского психологического общества и основал журнал «Вопросы философии и психологии». В 1885 г. на службу в Варшавский университет перешел Зенгер, в будущем ректор этого университета, попечитель Варшавского учебного округа и министр народного просвещения. В 1886 г. на кафедру славянской филологии в Московский университет был переведен Брандт. С этого времени начался новый этап в истории Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине.

¹¹⁴ *Добиаш А. В.* Николай Алексеевич Лавровский, первый директор Института князя Безбородко. С. 38. При Лавровском институт стал разумной, хорошо поставленной школой: он вложил в институт всю душу, вникал в каждую мелочь институтской жизни и не делал различия между важным и неважным, потому что, по его убеждению, в школе все взаимосвязано, и если упустить мелочь, можно не достичь и существенно важного. Многие удивлялись тогда в Нежине, что директор считал необходимым изо дня в день являться на молитву студентов, их завтраки и ужины, дважды или трижды в день делать обход института и посещать занятия студентов.